

При этомъ номерѣ всѣмъ подписчикамъ съ приложеніями разсылается одна книга «Литературныхъ приложеній»: Сочиненія Ф. М. Достоевскаго, — кн. 17.

В. Георгіевскій

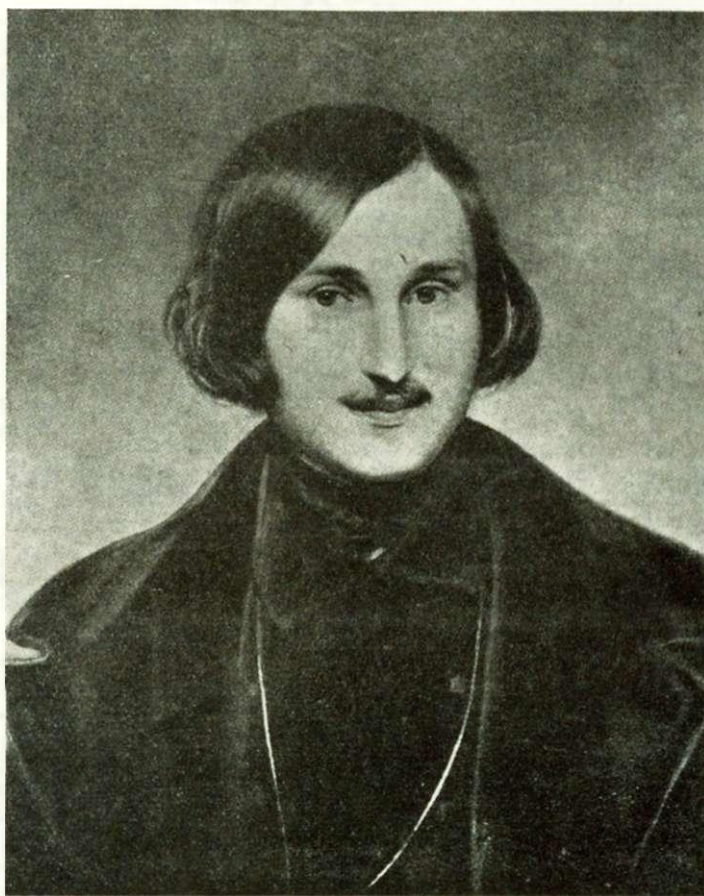
Гоголь за границей

По перепискѣ съ друзьями и отзывамъ современниковъ

1. Парижъ.

10 мая 1836 г. Н. В. Гоголь писать профессору М. П. Погодину въ Москву:

«Послѣ разныхъ волнений, досадъ и прочаго, мысли мои такъ разсѣяны, что я не въ силахъ собрать ихъ въ стройность и порядокъ. Я хотѣлъ было ѣхать непременно въ Москву и съ тобою наговориться вдоволь. Но не такъ сдѣлалось. Чувствую, что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ. Ёду за границу, тамъ размыкаю тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель, современный писатель комическій, писатель нравовъ, долженъ подалеже быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тяжело, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ скверномъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило, что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ — тысяча честныхъ людей сердится, говорятъ: «Мы не плуты!» Но Богъ съ ними! Я не оттого ёду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣять-

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

Съ портрета Ф. А. Моллера

ся, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постояннаго пребываніе, обдумать хорошенько труды будущаго. Пора ужъ мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ».

Первое представленіе «Ревизора» состоя-

лось 19 апрѣля въ Александринскомъ театрѣ въ С.-Петербургѣ въ присутствіи императора Николая I, двора и многочисленныхъ представителей столичнаго общества. Пьеса имѣла большой успѣхъ, но уже вскорѣ въ душѣ Гоголя обозначился глубокой разладъ, вызванный недовольствомъ писателямъ чрезмѣрной ѣдкостью своей музы.

Чтобы найти душевный миръ, Н. В. Гоголь двинулся въ продолжительное путешествіе за границу, въ которомъ пробылъ съ 1 июня 1836 г. по сентябрь 1839 г., т. е. три года съ лишкомъ.

Путь Гоголя лежалъ черезъ Германію (Гамбургъ, Бременъ, Мюнстеръ, Ахенъ, Баденъ-Баденъ), Швейцарію (Бернъ, Базель, Лозанну, Женеву, Веве) и приводилъ въ Парижъ. Его близкій другъ А. С. Данилевскій, дѣлившій съ нимъ временами его путешествіе, въ слѣдующихъ словахъ описываетъ первые дни пребывания автора «Ревизора» въ столицѣ Франціи:

«Первое время послѣ того, какъ мы разстались (въ Германіи, прим. ред.) и встрѣтились снова въ Парижѣ, я узналъ въ немъ прежняго Гоголя. Въ Парижѣ онъ не поѣхалъ въ гостинницу, а прямо ко мнѣ. Потому взялъ номеръ въ гостинницѣ, но тамъ мерзъ, потому

что не было печей, а были каминны. Мы хотѣли найти теплую квартиру и поселились на углу площади Бирижи и рю Вивьенъ: въ этомъ домѣ мы нашли, наконецъ, печь. Здѣсь Гоголь писалъ «Мертвыя Души». Я

«МАЙСКАЯ НОЧЬ»

Живая картина, поставленная въ «День Русской Культуры» въ Югославии.

къ нему не заглядывать, потому что быть постоянно занятым; только по вечерам мы часто собирались въ театр».

Своей работой надъ «Мертвыми Душами» въ Парижѣ Гоголь былъ очень доволенъ: «Мертвые» («Души»), писалъ онъ 12 ноября В. А. Жуковскому въ Петербургъ: «текутъ живо, свѣжѣ и бодрѣ, чѣмъ въ Вене, и мнѣ совершенно кажется, какъ буд о я въ Россіи: передо мною все наше: наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы — словомъ, вся православная Русь. Еще одинъ Левиафанъ затѣвается. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу кое-что изъ него. Вкусну божественныя минуты... Но теперь я погруженъ весь въ «Мертвыя Души». Огромно велико мое творчество, и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ, но что-жъ мнѣ дѣлать! Ужъ судьба моя враждовать съ моими земляками. Терпѣніе. Кто-то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливейше меня, и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни».

Парижъ 30-хъ годовъ, Парижъ Луи-Филиппа, Шатобріана, В. Гюго, де-Виньи, Дамартина, А-де-Мюссе, Стендаля, Меримэ, Готье, Балзакъ, Жоржъ Зандъ и Шопена не произвелъ въ общемъ на Гоголя благоприятнаго впечатлѣнія: Гоголь чувствовалъ себя въ столицѣ Франціи, что называется, не въ своей тарелкѣ.

«Парижъ городъ хорошъ для того, кто именно ѣдетъ сюда для Парижа, чтобы погрузиться во всю его жизнь. Но для такихъ людей, какъ мы съ тобою (письмо писалось гимназическому товарищу Гоголя Н. Я. Про-

коповичу) — не думаю, развѣ нужно скинуть съ каждаго изъ насъ по восемь лѣтъ. Къ удобствамъ здѣшнимъ приглядишься; люди легки, а природы, въ которой всегда находишь ресурсы и утѣшеніе, когда все прѣется, — нѣтъ: итакъ, нѣтъ того, что бы могло привязать къ нему мою жизнь. Жизнь политическая, жизнь вовсе противоположная смиренной художнической, не можетъ понравиться такимъ счастливымъ празднымъ, какъ мы съ тобою. Здѣсь все политика, въ каждомъ переулкѣ и переулочкѣ библіотека съ журналомъ. Остановишься на улицѣ чистить сапоги, тебѣ суютъ въ руки журналъ; въ книжкѣ даютъ журналъ. Объ дѣлахъ Испаніи больше всякій хлопочетъ, нежели о своихъ собственныхъ. Только въ одну жизнь театральную я иногда вступаю: италиянская опера здѣсь чудная. Гризи, Тамбурини, Рубини, Лаблашъ — это такая четвертка, что даже странно, что они собрались вмѣстѣ... Я былъ не такъ давно въ Театръ Франсэ, гдѣ торжествовали день рожденія Мольера. Въ этомъ было что-то трогательное.

«Тоши ваши петербургскія новости. Скажи, пожалуйста, съ какой стати пишете вы все про «Ревизора»? Въ твоемъ письмѣ и въ письмѣ Пашенка, которое вчера получилъ Данилевскій, говорится, что «Ревизора» играютъ каждую недѣлю, театръ полонъ и проч... и чтобы это было доведено до моего свѣдѣнія. Что это за комедія! Я, право, никакъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ, я на «Ревизора» — плевать, а во-вторыхъ — къ чему это? Если бы это было правда, то хуже на Руси мнѣ никто бы не могъ нагадить. Но, слава Богу, это ложь: я вижу черезъ каждые три дня русскія газеты...»

Въ Парижѣ Н. В. Гоголь познакомился съ

Александрой Осиповной Смирновой, урожденной Россетъ, которая въ молодости была фрейлиной двухъ императрицъ. Блестящая красавица, живая, умная и образованная, она дружила съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Лермонтовымъ, кн. Вяземскимъ. Многие поэты, начиная съ Пушкина и Лермонтова, восхваляли ее. Въ 1832 г. Смирнова вышла замужъ за Н. М. Смирнова, богатаго молодого дипломата. Къ мужу она была равнодушна, и въ посмертной автобіографіи сознавалась по поводу своего брака: «я себя продала за шесть тысячъ душъ для братьевъ». Съ Гоголемъ А. О. близко познакомилась въ Парижѣ въ 1837 г., по настояннми друзьями они стали позднѣе, во время совместнаго проживанія въ Ниццѣ зимою 1842/43 г.

О пребываніи Гоголя въ Парижѣ зимою 1837 г. мы находимъ въ запискахъ А. О. Смирновой слѣдующія интересныя строки:

«Онъ болѣе слушалъ, потому что я очень болтала, но однажды описывалъ мнѣ малороссійскій вечеръ, когда солнце садится, габуны гонятъ съ поля и отсталыя лошади несутся, подымая пыль конятами, а за ними съ нагайкой въ рукѣ пожарной хохотъ съ чупромъ; Гоголь описывалъ это живо, съ любовью, хотя прерывисто и въ короткихъ словахъ. О Парижѣ мало было рѣчи; по-видимому, онъ уже и тогда его не любилъ. Однако, онъ посѣщалъ съ Данилевскимъ театры, потому что рассказывалъ мнѣ, какъ входили въ оперу одинъ за другимъ гускомъ, и какъ торгуютъ правомъ на хвостъ. Дѣло въ томъ, что задній театраль кричитъ которому-нибудь изъ переднихъ, чтобы онъ уступилъ ему свое мѣсто, торгуется съ нимъ и наконецъ мѣняется мѣстами; но часто купленное такимъ образомъ мѣсто бывало захватываемо другимъ, и это служило поводомъ брани и ссоры. Гоголь со свойственной ему способностью замѣчать то, что другимъ казалось несмѣшнымъ и незамѣчательнымъ, представлялъ сцены при покупкѣ, какъ онъ называлъ «права на хвостъ» въ самыхъ характеристическихъ и забавныхъ разказахъ...»

Въ Парижѣ Гоголь узналъ о смерти Пушкина. По свидѣтельству очевидцевъ, было грогательно и жалко смотрѣть, какъ на него подѣйствовала извѣстіе объ этой смерти. «Онъ совсѣмъ съ тѣхъ поръ не свой», писалъ сынъ историка А. Н. Карамзинъ изъ Парижа: «Бросилъ то, что писалъ и съ тоской думаетъ о возвращеніи въ Петербургъ, который опустѣлъ для него».

«Никакой вѣсти хуже нельзя было получить изъ Россіи», писалъ Гоголь П. А. Плетневу 16 марта: «Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣнитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы! Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу... Боже, нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его! Нѣсколько разъ принимаюся я за перо — и перо падаетъ изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!.. Я былъ очень боленъ, теперь начинаю немного оправляться».

2. Римъ.

Въ Римѣ Гоголь пріѣхалъ 16 марта. Онъ ѣхалъ моремъ до Генуи и побывалъ во Флоренціи. Переѣздъ длился почти три недѣли. Несмотря на это, Н. В. поспѣлъ въ Римъ,

какъ и стремился, какъ разъ къ празднику Св. Пасхи и даже прослушалъ обѣдню въ соборѣ Св. Петра, которую служилъ самъ папа.

«Я бы болѣе упивался Италіей, если бы былъ совершенно здоровъ; но чувствую хворость въ самой благородной части тѣла — въ желудкѣ. Онъ, бестія, почти не варить вовсе, и запоры такіе упорные, что никакъ не знаю, что дѣлать. Все надѣлалъ гадкій парижскій климатъ, который, несмотря на то, что не имѣетъ зимы, но ничѣмъ не лучше петербургскаго: Мой адресъ: Рома, Віа ди Изидоро». (Письмо Н. Я. Прокоповичу).

Въ письмѣ къ Данилевскому Гоголь начинаетъ описывать свои первые восторги вѣчнымъ городомъ:

«Сижу безъ денегъ. Я пріѣхалъ въ Римъ только съ двумястами франками и, если бы не страшная дешевизна и удаление всего, что выпряхиваетъ кошелекъ, то ихъ бы давно уже не было. За комнату, тое-есть старую залу съ картинами и статуями, я плачу тридцать франковъ въ мѣсяцъ, и это только одно дорого. Прочее все ни по чѣмъ. Если выпью поутру одинъ стаканъ шоколаду, то плачу немного больше четырехъ су, съ хлѣбомъ, со всѣмъ. Блюда за обѣдомъ очень хороши и свѣжи, и обходятся иное по 4 су, иное по 6. Мороженого больше не съѣдаю, какъ на 4, а иногда на 8. Зато ужъ мороженое такое, какое и не снилось тебѣ. Не ту дрянъ, которую мы съѣдали у Тортони, которое тебѣ такъ нравилось, — масло! Теперь я такой сдѣлался скряга, что если лишнее су передамъ, то весь день жалко.

«Здѣсь тепло, какъ лѣтомъ; а небо — совершенно кажется серебрянымъ. Солнце дальше и больше, и сильнѣе обливаетъ его своимъ сіяніемъ. Что сказать тебѣ вообще объ Италиі? Миѣ кажется, какъ будто бы я заѣхалъ къ стариннымъ малороссійскимъ помѣщикамъ. Такіе же дряхлыя двери у домовъ, со множествомъ бесполезныхъ дыръ, марающія платье мѣломъ; старинные подсвѣчники и лампы въ видѣ церковныхъ: блюда все особенныя; все на старинный манеръ. Вездѣ доселѣ видѣлась миѣ картина измѣ-

неній; здѣсь все остановилось на одномъ мѣстѣ и далѣе не идетъ. Когда я въѣхалъ въ Римъ, я въ первый разъ не могъ дать себѣ яснаго отчета: онъ показался маленькимъ; но, чѣмъ далѣе, онъ миѣ казался большимъ и большимъ, строенія огромнѣе, виды красивѣе, небо лучше; а картинъ, развалинъ и антиковъ смотрѣть на всю жизнь станетъ. Словомъ, вся Европа для того, чтобы смотрѣть, а Италия для того, чтобы жить».

«Никогда не чувствовалъ себя такимъ погруженнымъ въ такое спокойное блаженство», писалъ Гоголь въ другомъ письмѣ тому же Данилевскому въ слѣдующемъ году: «О, Римъ, Римъ! О, Италия! Чья рука вырветъ меня отсюда? Что за небо! Что за дни! Лѣто — не лѣто, весна — не весна, но лучше и весны, и лѣта, какія бываютъ въ другихъ углахъ міра. Что за воздухъ! Пью — не напьюсь, гляжу — не нагнусь! Въ душѣ небо и рай. У меня теперъ въ Римѣ мало знакомыхъ, или, лучше, почти никого. Но никогда я не былъ такъ веселъ, такъ доволенъ жизнью.

«Моя квартира вся на солнце: Strada Felice, № 126, ultimo piano (верхній этажъ)».

Эта улица въ началѣ нашего столѣтія уже перемѣнила свое названіе и теперь называется Віа Систиана. Чистая и веселая, въ одномъ изъ лучшихъ кварталовъ Рима, она вся переполнена магазинами старыхъ картинъ, гравюръ и фотографій... Номеръ дома, въ которомъ жилъ Гоголь, остался тотъ-же, — 126. Надо предположить, что и внѣшній видъ этого небольшого, стараго дома, какихъ такъ много въ Римѣ, тоже не измѣнился... Квартира Гоголя была въ третьемъ этажѣ, который въ то время былъ послѣднимъ; теперь надъ нимъ уже надстроенъ новый. Надпись на мраморной доскѣ, кторою русская колонія увѣковѣчила весною 1902 г. память писателя, гласитъ по-итальянски:

Il grande scrittore russo

Nicolo Gogol

in questa casa, dove abito 1838-1842, penso e scrisse il suo capolavoro*).

И. Ф. Золотаревъ жилъ съ Гоголемъ въ Римѣ въ 1837 и 1838 г. Жили они на одной

квартирѣ и видѣлись постоянно въ теченіе почти двухъ лѣтъ. Это была лучшая пора въ жизни Гоголя. Онъ былъ полонъ жизни: веселый, разговорчивый, онъ былъ весь, такъ сказать, охваченъ красотой римской природы и подавленъ массою памятниковъ искусствъ, которыми онъ былъ окруженъ. До какой степени Гоголь былъ увлеченъ Римомъ, указываетъ эпизодъ, происшедшій при самомъ пріѣздѣ Золотарева въ Римъ. «Первое время, — рассказывалъ Золотаревъ, — отъ новизны ли впечатлѣній, отъ переутомленія дорогой, я совершенно лишился сна. Пожаловался я на это какъ-то Гоголю. вмѣсто сочувствія къ моему тяжелому положенію, онъ пришелъ въ восторгъ. «Какъ ты счастливъ, Иванъ, — воскликнулъ онъ, — что не можешь спать!.. Твоя бессонница указываетъ на то, что у тебя артистическая натура, такъ какъ ты пріѣхалъ въ Римъ, и онъ такъ поразилъ тебя, что ты не можешь спать отъ охватившихъ тебя впечатлѣній природы и искусства. И послѣ этого ты еще не будешь себя считать счастливымъ?» Убѣждать въ дѣйствительной причинѣ моей бессонницы великаго энтузіаста, цѣлые дни безъ отдыха проводившаго въ созерцаніи римской природы и памятниковъ вѣчнаго города, я считалъ бесполезнымъ». Однако, уже въ эти годы намѣчалось въ Гоголѣ кое-что изъ тѣхъ чертъ, которыя сдѣлались господствующими въ послѣдній періодъ его жизни. Во-первыхъ, онъ былъ крайне религіозенъ, часто посѣщалъ церкви и любилъ видѣть проявленія религіозности въ другихъ. Во-вторыхъ, на него находилъ иногда родъ столбняка какого-то: вдругъ среди оживленнаго, веселаго разговора замолчить, а слова отъ него не добьешься. Являлось у него это, повидимому, безпрічинно. Затѣмъ въ немъ проявлялась иногда странная застѣнчивость. Бывало разговорится, и говоритъ весело, живо, остроумно. Вдругъ входитъ какое-нибудь новое лицо. Гоголь сразу смолкаетъ и, какъ улитка, прячется въ свою раковину.

Къ числу особенностей Гоголя принадлежали, по словамъ Золотарева, его оригинальность въ одеждѣ и чрезвычайный аппетитъ. Оригинальность въ выборѣ костюмовъ доходила иногда до смѣшнаго. Аппетитомъ Гоголь обладалъ чрезвычайнымъ. Онъ любилъ и много, и хорошо покушать. «Бывало, зайдемъ мы», — рассказывалъ Золотаревъ, — въ какую-нибудь трактирню пообѣдать. Гоголь покушаетъ плотно, обѣдъ уже оконченъ. Вдругъ входитъ новый посѣтитель и заказываетъ себѣ кушанье. Аппетитъ Гоголя снова разгорается и онъ, несмотря на то, что только что пообѣдалъ, заказываетъ себѣ или то-же кушанье, или что-нибудь другое. Изъ наиболѣе любимыхъ Гоголемъ блюдъ было козье молоко, которое онъ варилъ особымъ способомъ, прибавляя туда рому (послѣдній онъ возилъ съ собою въ флаконѣ). Эту стряпню онъ называлъ гоголь-моголь и часто, смѣясь говорилъ:

— Гоголь любитъ гоголь-моголь.

Гоголь вернулся изъ своего перваго пребывания въ западной Европѣ въ Россію въ сентябрѣ 1839 г. Но, уже живя въ Москвѣ у Погодина, Гоголь, по неизвѣстнымъ причинамъ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца помѣчалъ свои письма къ матери заграничными городами Триестомъ и Вѣной.

В. Георгиевскій.

СЦЕНА ИЗЪ «РЕВИЗОРА»

Анна Андреевна и Городничій въ исполненіи арт. пражской группы М.Х.Т. — В. Гречъ и П. Павлова.

*) Великій русскій писатель Николай Гоголь въ этомъ домѣ, гдѣ проживалъ съ 1838 по 1842 г., задумалъ и написалъ свое лучшее произведеніе.